

Неуловимая правда революций

БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ

ОСЛЕ того, как в 2004 году переворот, устроенный на Украине либеральной оппозицией, использовавшей во время своей кампании оранжевые знамена, назвали «оранжевой революцией», слово «революция» вернулось в язык политической дискуссии. Однако за эту реабилитацию слово, казалось, заплатило потерей смысла и содержания. Вместо того чтобы обсуждать преобразование общества, рассуждали о смене министров, разделе власти и перераспределении собственности между группировками правящего класса.

Эти «цветные революции» были очень удобны: с одной стороны, они ровным счетом ничего не меняли, а с другой стороны, критикуя и разоблачая их, можно было дискредитировать революцию как таковую. Консервативные аналитики старательно делали вид, будто не понимают разницы между массовыми движениями низов и переворотами, устроенными элитой, между социальными преобразованиями и интригами в правящих кругах. Как ехидно заметил Александр Тарасов, у них получается, что «все революции, начиная с Голландской — «оранжевые»¹.

Под именем революций, согласно данному образу мысли, перед нами всегда предстает злонамеренный переворот, устроенный кучкой иностранных агентов в корыстных целях (люди, мыслящие таким образом, судят по себе и убеждены, что других целей ни у кого не бывает в принципе). Как эти агенты умудряются уговорить сотни тысяч и даже миллионы людей подняться на борьбу, является для наших героев ещё одной загадкой, которую они предпочитают не разгадывать.

Однако чем усерднее пытались либеральные и консервативные критики свести любые общественные перемены к разделу

1. Тарасов А. Бунт кастратов // Русский журнал. 22 декабря 2011. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Bunt-kastratov>.

власти, чем упорнее доказывали, будто все революции представляют собой только вариации на тему «оранжевой революции», тем более явным становился их страх перед наступающими социальными выступлениями, страх перед массами. Именно выход масс на передний план, превращение их в силу, творящую историю, опрокидывающую политические режимы, выдвигающую собственные требования, программы и вождей, отличает революционные эпохи от иных времен.

События такого масштаба никогда не бывают гладкими. Преобразования, если они оказываются действительно серьезными и глубокими, не могут проходить без сопротивления, а главное, сам процесс перемен оказывается извилистым и противоречивым. Точно так же как наивно ожидать, будто революция сразу предоставит вам готовый социально-политический и экономический результат, не пройдя через целый ряд промежуточных фаз, так и безрассудно надеяться, будто процесс можно будет произвольно остановить в некоей заранее намеченной точке, удобной для демократического идеолога или даже для большинства общества.

Историк Александр Шубин писал об испанской революции 1936–1937 годов: «Бывает, что революция, открывая дверь свободе выбора, которая и не снится современным предвыборным кампаниям, в то же время связана с необходимостью защищать и эту свободу, и этот выбор с оружием в руках. И война начинается пожирать свободу. Но в спокойное время не открывается сама дверь»².

Если либеральные авторы, восхваляя свободу как принцип, сетуют на то, что революция то и дело приводит вместо обещанного освобождения к его прямой противоположности — устанавливая диктаторские режимы и проводя всевозможные авторитарные меры, то консервативные критики революции, напротив, видят в самом стремлении к свободе причину всевозможных несчастий. Питирим Сорокин в 1923 году очень хорошо выразил подобный подход, отказавшись признавать какую-либо разницу между буржуазными и пролетарскими революциями, демократическими переворотами и установлением радикальной диктатуры. По его мнению, дело не в том, что революции, как считали умеренные левые или либеральные критики большевизма, заходят слишком далеко, а в том, что любое преобразование снизу, любое массовое участие трудящихся в общественно-политической жизни есть бедствие, катастрофа и несчастье для страны, где такое случилось.

2. Шубин А. Великая испанская революция. М.: УРСС, 2012. С. 133.

Общество, описываемое Сорокиным, больше всего напоминает зоопарк, обитатели которого руководствуются инстинктами и рефлексами, среди которых особенно важны «рефлекс повиновения» и, разумеется, «инстинкт собственности» (как известно, рефлексы вырабатываются в ходе жизни, а инстинкты являются врожденными). Революционные процессы случаются от того, что полезные инстинкты и рефлексы под влиянием обстоятельств «деформируются» или утрачиваются, после чего массы выходят из повиновения, проникаются идеями свободы и начинают крушить всё подряд. Ян Гус, энциклопедисты, Вольтер, Руссо, русские марксисты и даже европейские социал-демократы в равной степени являются в глазах Сорокина носителями разрушительной идеологии, которая способствует «деформированию» рефлексов. Экономика приходит в упадок, переживающая потрясения страна деградирует, работники, выходя из повиновения начальству, становятся «лентяями, трутнями, паразитами»³. К какой бы эпохе мы ни обратились, какую бы революцию ни рассматривали, «мы видим те же требования сокращения рабочего дня, те же стремления устроиться за государственный счет, тот же рост ленности, трату времени на митинги, болтовню, пьянство и т. д.»⁴

Хотя книга Сорокина представляет собой доведенную до гротеска попытку в литературно-социологической форме выразить ненависть побежденного представителя старого порядка к низвергнувшему этот порядок народу, она является примером весьма распространенного взгляда на революционный процесс как на цепь социально-политических событий, не имеющих объективного институционального и экономического содержания. Иными словами, обсуждая (и по большей части — осуждая) ту форму, в которой происходит процесс, забывают подумать о том, что собственно происходит, как одни общественные отношения сменяются другими, старые структуры и порядки разрушаются, чтобы на их месте сложились новые. Разрушительная работа революции, при всей её грубости и «избыточности» с точки зрения рационального здравого смысла, является необходимой частью созидательного процесса, расчищая место для нового — объективно назревшего — исторического строительства.

Очень часто кажется, будто большие события, крушение политических систем и социальные потрясения происходят из-за каких-то мелких поводов, случайностей и ошибок, не будь

3. Сорокин П. Социология революции. М.: Территория будущего, 2005. С. 90.

4. Там же. С. 99.

которых старый порядок мог бы просуществовать ещё долгие годы — как в известной детской песенке:

Не было гвоздя —
Подкова пропала.
Не было подковы —
Лошадь захромала.
Лошадь захромала —
Командир убит.
Конница разбита,
Армия бежит.
Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
От того, что в кузнице
Не было гвоздя.

Между тем, если приглядеться внимательнее, то обнаружится, что в «кузнице» давно уже не было не только гвоздей, но и много чего ещё. И надо не жаловаться на то, что катастрофа произошла из-за какой-то мелочи, а удивляться тому, что она — в силу невероятного везения — не случилась гораздо раньше.

Пытаясь понять закономерности, приводящие к революциям, Питирим Сорокин жаловался в эмиграции: «Предреволюционные эпохи просто поражают исследователя бездарностью власти и вырождением привилегированно-командующих слоев, не способных успешно выполнять ни функции власти, ни противопоставить силе силу, ни разделить и ослабить оппозицию, ни уменьшить ущемление, ни канализировать его в формах, отличных от революции»⁵. Между тем подобный вывод становится убедительным лишь задним числом. Администраторы «Старого режима» вполне успешно справляются со своими проблемами, вполне успешно делают именно то, к чему призывает Сорокин, но лишь вплоть до определенного момента. И люди, и структуры, и методы остаются те же самые, но всё вдруг перестает работать. Если даже правящие классы не отличались блестящим интеллектом прежде, то это ничуть не мешало им удерживать власть десятилетиями. А теперь — ничего не выходит. Революции начала XXI века прекрасно демонстрируют подобный перелом. Арабские режимы, рухнувшие в 2011 году, существовали десятилетиями, не испытывая особых трудностей в управлении своими странами. Точно так же и в России кремлевское начальство в течение десяти лет отработывало и довело до совершенства методы политического манипулирования

5. Там же. С. 395.

и контроля, известные под именем «управляемой демократии». В декабре 2011 года архитектор этой системы Владислав Сурков оставался на своем месте заместителя главы президентской администрации, не страдая ни от болезней, ни от старости, проверенные кадры по-прежнему добросовестно пытались выполнять его указания, только вместо привычных успехов они стали терпеть одно поражение за другим.

Правители отнюдь не утратили ни коварства, ни воли к власти, ни жестокости. Просто их методы вдруг разом перестали работать, их испытанные приемы стали давать неожиданные и даже обратные результаты. Там, где власть проявляла кажущуюся мягкость, как в Тунисе, консерваторы сетовали на недостаток твердости, но там, где власть, напротив, пыталась жесткой рукой подавить выступления, борьба не только не прекращалась, но лишь принимала формы гораздо более драматичные, а последствия оказывались для представителей действующей власти совершенно катастрофическими.

Революции происходят не от слабости власти или, наоборот, из-за её излишней жестокости. Меняется общество, меняется экономическая ситуация, возникает новая ситуация, а главное, формируются новые общественные потребности, которым институты власти уже категорически не соответствуют. Григорий Завалько в книге, посвященной понятию «революция» в общественных науках, утверждает, что подобного рода потрясения происходят «тогда, когда общество должно измениться, чтобы выжить»⁶. И хотя поражение революции далеко не обязательно означает крах общества, её начало неизменно провоцируется крахом старого порядка, невозможностью его воспроизводства. Это объективная реальность, которую никогда не могут понять всевозможные охранители и политики, пытающиеся остановить революционный процесс репрессиями или жесткой борьбой с «подрывной агитацией».

Чем более отработан и эффективен государственный механизм, чем более «заточен» он под решение определенного рода задач, тем быстрее обнаруживается его неспособность соответствовать требованиям новой эпохи, ставящей задачи совершенно иные и даже противоположные. Кризис верхов порождается не бездарностью правящих людей (которые, на самом деле никогда особыми талантами не отличались), а несостоятельностью институтов, исчерпанием экономического, социального и политического ресурса существующей модели.

6. Завалько Г. А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. М.: УРСС, 2011. С. 351.

В статье «Крах II Интернационала» Ленин писал о революционной ситуации: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы, наверное, не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов“, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, а требуется еще, чтобы „верхи“ не могли жить по-старому. 2) Обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в мирную эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“, к самостоятельному историческому выступлению»⁷.

Показательно, что именно кризис верхов выдвигается Лениным на первое место. Но ещё более существенно его замечание о том, что массы вовлекаются в политическую борьбу самими верхами. Иными словами, революционный процесс развивается, начинаясь очень часто под влиянием столкновения внутри элиты, но выходит из-под контроля, приобретая новое социальное содержание. Та же «оранжевая революция» на Украине так и не стала настоящей революцией не потому, что изначально была вызвана столкновением двух группировок правящего класса, а потому что победившей «оранжевой» группировке удалось удержать ситуацию под контролем, не дать массам играть самостоятельной роли и выступить с собственными требованиями. В этом плане, с одной стороны, любой великий исторический переворот начинается с раскола элит и может на первых порах быть представлен как разновидность пресловутой «цветной революции», но, с другой стороны, любая «цветная революция» может при неблагоприятном (для правящих кругов) ходе событий дать толчок лавинообразному процессу перемен, эскалации требований и массовым мобилизациям, делающим неизбежными глубокие социальные преобразования.

Ливийская революция оказалась моментом истины — не только потому, что это была первая вооруженная народная революция XXI века, но и потому, что она продемонстрировала неспособность правящих элит управлять ситуацией. Мало того, что

7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218.

они уже не контролировали процесс, но и не могли сознательно контролировать собственные решения, оказываясь заложниками быстро меняющейся ситуации, прежних обязательств и собственной пропаганды. Однако не в меньшей степени, чем слабость и внутреннюю противоречивость господствующей идеологии и политической практики правящих кругов Запада, этот революционный кризис выявил неготовность левых к вызовам новой эпохи, их неспособность не только успешно реагировать на эти вызовы, но и просто понимать суть происходящих процессов. Проблема была не в том, что анализ событий Арабской Весны был поверхностным, а в том, что до анализа, в точном смысле слова дело вообще не доходило. Его заменяли различные клише и готовые формулы, ссылки на опыт прошлого, демонстрирующие непонимание не только настоящего, но и тех ушедших эпох, к которым обращались за подсказкой. Это относится не только к тем представителям левых, которые отказались принять арабские революции как «неправильные», но и к тем, кто восторженно приветствовал их. В этих радостных возгласах понимания было не больше, нежели в гневных осуждениях. Именно поэтому столь частыми оказались случаи резкого изменения позиции — от ликования по поводу Арабской Весны в январе 2011 года до столь же яростного негодования в марте — апреле. От восхищения народными восстаниями люди переходили к рассуждениям о манипуляциях и заговорах, а похвалы в адрес «масс» сменялись проклятиями в адрес «толпы», причем происходило это без какого-либо логического анализа или переосмысления собственных прежних заявлений и позиций.

Выход на сцену массовых движений огорчил не только либералов и консерваторов. Реальная революция оказывается испытанием и для левых, причем таким, которого многие — если не большинство — не выдерживают. Цепляясь за готовые идеологические схемы, пытаясь построить комфортабельные политические блоки, уклоняясь от исторической ответственности, пеняя народу и истории за то, что они не в состоянии сразу реализовать готовый «правильный проект», заранее нарисованный революционерами, и осуждая других революционеров за отсутствие такого готового проекта, впадая то в эйфорию, то в панику, эти левые деятели оказываются даже не критиками революции (ибо критика — часть процесса познания и рефлексии), а просто идеологическим и политическим балластом, который по инерции тащит на себе общественное движение.

Наблюдая перемены со стороны, идеологи готовых решений сами себе кажутся высокоумными мыслителями, презрительно посмеивающимися над суетой маленьких людей, мельтешащих вокруг, совершающих ошибки, сталкивающихся с проблемами,

с трудом и немалой ценой прокладывающих себе дорогу. Но парадокс в том, что именно эти люди, не знающие теоретических тонкостей, являются творцами истории, тогда как наши мудрецы не только остаются в стороне от революционного процесса, но оказываются и неспособны внести что-либо новое или ценное в теорию, от имени которой гордо выступают.

«Всё-таки революция, — писал Шубин, — это не только то, что соответствует программе того или иного революционера. Социальная революция — это раскалывающая социум социально-политическая конфронтация, направленная на изменение фундаментальных принципов общественного устройства»⁸.

Мысль о том, что обычные люди могут самостоятельно участвовать в политических событиях и даже определять их ход, что от них, в конечном счете, может зависеть судьба правителей, политических и экономических проектов, ужасает идеологов и экспертов, сформированных десятилетиями неолиберальной гегемонии, настолько, что её боятся даже упоминать, вытесняя из сознания в лучших фрейдистских традициях.

Чем больше революция становилась реальностью, чем ближе она подходила к границам России, тем больше в отечественной прессе распространялись всевозможные теории заговора, параноидальные фантазии, восходящие ещё к реакционной монархической пропаганде XVIII века. Показательно, что господствующие российские масс-медиа, как официальные, кремлевские, так и оппозиционные им либеральные, оказались едины в стремлении изобразить набирающую силу революцию в виде общественного бедствия и результата некоего внешнего заговора. Например, политолог Андрей Фурсов объяснял, что революции происходят в результате «организации, финансового обеспечения и манипуляции информационными потоками»⁹. Причем сам факт использования интернета активистами является доказательством того, что речь идет о международном заговоре: «События в Тунисе и Египте развивались в форме флэшмоба и смартбоа с активным использованием интернета, блогосферы. А это уже совсем не национальный уровень, а глобальный с центром далеко от арабского мира»¹⁰.

Иногда в соответствии с требованиями расистской культуры, доминировавшей в публичном пространстве России, делалась попытка противопоставить «цивилизованный» и мирный протест западных антиглобалистов выступлениям жителей араб-

8. Шубин А. Указ. соч. С. 132.

9. Савенков В. Последняя Большая Охота капиталистической эпохи // Свободная пресса. 2 января 2012. URL: <http://svpressa.ru/society/article/51505/>.

10. Там же.

ских стран, изображаемых дикарями и фанатиками. Но и по отношению к Европе настойчиво проводилась мысль о принципиальной разнице между «трудолюбивыми немцами» и ленивыми жителями средиземноморского Юга, которые бастуют и ходят на демонстрации только потому, что не хотят работать.

Как всегда случается в таких случаях, сочинители подобных теорий понемногу сами начинали верить в собственные бредни, игнорируя объективные экономические и социальные процессы, полагаясь в своей борьбе против наступающих перемен исключительно на манипуляции, финансовые потоки и пропаганду.

Когда в Ливии разразилась гражданская война, прозвучало много глубокомысленных рассуждений о НАТО и Западе (причем последний неизменно представлял как некая единая, консолидированная и совершенно сознательная сила), сочувственные вздохи по поводу участи свергнутого диктатора и его семьи, после чего следовали обязательные рассуждения об ужасах анархии и прогнозы относительно того, что и как будут делить победители. Тем, что представляют собой рядовые участники событий, что происходит в ливийском обществе, какова политическая и военная структура оппозиции, откуда приходят её бойцы, никто особенно не интересовался.

Публикации российских журналистов и комментаторов о Ливии, не давая информации о том, что происходило в этой африканской стране, очень хорошо демонстрировали, в каком состоянии находилась общественная мысль в самой России и что представляют собой те, кого у нас считают интеллектуальной или экспертной элитой. Вполне понятно, что людям свойственно проецировать свои представления о мире на внешнюю реальность и судить о других по себе. В этом плане «Ливия» российских интеллектуалов отразила, прежде всего, их внутренний мир. В их мире заведомо не существует общественного мнения, а массовое сознание — только объект для манипуляций. В этом мире нет фактов, есть только мнения. Потому любая неудобная информация отвергается как пример враждебной пропаганды, но любая пропагандистская чушь, совпадающая с собственными установками, принимается, не потому, что в неё верят, а потому, что так удобнее.

Экспертное знание как таковое (в данном случае — профессиональный анализ специалистов, знающих, например, арабский язык) не востребовано, поскольку говорящий сам является по любому вопросу главным экспертом с того момента, как решил открыть рот. О чем говорили наши мудрецы? О том, кто и как поделит нефть, кто кому будет продаваться, кто и как будет пилить бюджет. Легко догадаться, что сами говорящие, окажись они хоть ненадолго поблизости от нефти и власти, посту-

пили бы именно таким образом. Мысль о том, что могут (ну, пусть не в России, но хотя бы где-то в мире) существовать люди, у которых есть идеи, принципы и совесть, отметалась с порога, ведь у самих говорящих не наблюдалось ни того, ни другого, ни третьего, да и в своем кругу они, видимо, не встречали людей, у которых мог быть хоть намек на одно из этих качеств.

Большинство подобных прогнозов и оценок было опрокинуто событиями раньше, чем о них успевали забыть. Но это никого не смущало. Провал собственных прогнозов не является поводом для того, чтобы вернуться к осмыслению обсуждаемых процессов. Те самые люди, которые в июле говорили о бессилии НАТО, предсказывая провал её операций, в августе уже дружно доказывали, что режим Каддафи пал исключительно из-за бомбардировок западной авиации.

Конечно, ошибаться может всякий. Принципиально важно то, что факты не оказывали на ход мысли говорящих почти никакого влияния. Газетные аналитики оказались поразительно единодушны в своих представлениях о демоническом могуществе «Запада». Эта вера была равно характерна как для либералов-западников, так и для всевозможных патриотов, причем для последних даже в большей степени. Для левых слово «империализм» выступало каким-то удивительным интеллектуальным блокиратором, полностью парализующим всякую способность к рациональному анализу (в том числе — к изучению самих империалистических стратегий и интересов). Мощь Запада представляла в этих рассказах не в виде конкретных экономических и политических факторов (которым, естественно, противостоят другие конкретные факторы), а в виде некоего магического контроля. Любые действия западных политиков, даже очевидно ошибочные и совершенные под влиянием внешних обстоятельств, представляются такому сознанию результатом изначального осмысленного плана, а сам «Запад» воспринимается не как сообщество групп, сил, партий и классов, борющихся друг с другом, а как некий монолит, обладающий единой волей и осознанным интересом.

То, что революция в арабском мире началась почти на год раньше, чем в России, в принципе давало отечественным левым огромные интеллектуальные преимущества, возможность подготовиться к надвигающимся событиям, изучая опыт тех стран, где историческая драма перемен уже начала разыгрываться в полную силу. Однако этой возможностью мало кто готов был воспользоваться.

Призрак Революции вернулся в Россию в декабре 2011 года. И как всегда в борьбе против этого призрака сплотились охранители, либеральные оппозиционеры и религиозные консерва-

торы. В то время как либеральная молодежь на митингах скандировала: «Нет — революции!», — патриарх Кирилл призвал народ не протестовать против власти и «не повторять ошибки отцов 1917 года». Осудив классовую борьбу, он заявил: «Кровь, пролитая в XX веке, не дает нам права на разделение»¹¹. В те же самые дни оксфордский преподаватель Владимир Пастухов терпеливо вразумлял либеральных читателей «Новой газеты», доказывая, что они уже опоздали со своими страхами: «Революция — это не событие, а процесс. Она начинается задолго до того, как толпы погромщиков выходят на улицы, а жандармы, переодевшись, разбегаются кто куда. Революция начинается с разложения общественных устоев, прежде всего — морали и права, которое превращает общество в стадо. Она никогда не случается в одночасье: сначала долго-долго тлеет „под землей“, как торф, потом показывается на поверхности языками пламени и, наконец, занимается верховым пожаром. Поздно бояться революции, лес уже горит»¹². Поскольку революционный процесс уже не остановить, разумным представителям общества нужно, по мнению Пастухова, революцию возглавить, сведя её программу к борьбе с коррупцией и изгнанию из власти представителей спецслужб и криминальных элементов, после чего для России может быть написана новая, вполне либеральная конституция.

Оксфордскому профессору даже не приходит на ум, что многомиллионные массы, которых втягивает водоворот революционного процесса, имеют собственные интересы и собственные представления о переустройстве общества, не имеющие ничего общего с мечтаниями либеральной интеллигенции. Революция становится моментом свободы не только потому, что открывает возможности для самовыражения и самоорганизации там, где ещё вчера действовали запреты и ограничения. Она *принуждает нас к свободному выбору*, вырывая из привычной колеи жизни, обрывая течение обыденности, открывая новые возможности и одновременно бросая нас навстречу новым опасностям.

Свобода это не только возможности, но и риск, не только выбор, но и ответственность. Для подавляющего большинства людей необходимость самостоятельного действия может оказаться скорее стрессом, чем счастьем. Но этот выбор, это действие всё равно оказываются неизбежными. И нет никаких гарантий того, что выбор будет сделан правильно — даже с точки зрения соб-

11. Патриарх — о митингах // Российская газета. 23 декабря 2011. Неделя № 5665 (289).

12. Пастухов В. Дорожная карта заблудившейся революции // Новая газета. 11 января 2012. № 01 (1849). С. 4.

ственных интересов. Риск неотделим от вновь открывающихся возможностей. Худшие человеческие черты проявляются наряду с лучшими. Революция — это момент свободы, и именно поэтому её так боятся.

Каждая историческая эпоха порождает собственную «модель» революционных преобразований, которые отличаются друг от друга так же, как и сами эпохи. В зависимости от социальной структуры общества, его экономической жизни и политических институтов меняются и средства борьбы, лозунги, формы организации. Но неизменным остается одно — выход многомиллионных масс «простых» людей на авансцену истории, превращение их из зрителей или жертв происходящих событий в полноценных действующих лиц. Именно поэтому в ходе революции мы наблюдаем неминуемые «эксцессы», многочисленные глупости и нелепости — Ленин не случайно подчеркивал, что в революционную эпоху глупостей делают не меньше, а больше, чем в «обычное» время. Задним числом идеологи победившей партии неминуемо стремятся очистить образ революционного процесса от подобных компрометирующих черт, тогда как поборники консервативных ценностей именно в них видят единственный смысл происходящего. Ни те, ни другие не готовы иметь дело с реальной исторической диалектикой, с коллективным опытом масс, которые зачастую именно через ошибки, а порой и преступления пробиваются к свободе и самоуважению.

В глазах консервативного гения Федора Достоевского студент с топором Родион Раскольников, доказывающий самому себе, что он «право имеет», оказался глубинной метафорой революционера. Однако гениальность романиста проявилась в том, что, возможно, вопреки его собственным намерениям, именно этот герой стал одним из самых запоминающихся и вызывающих симпатию персонажей русской литературы.

После крушения коммунистических режимов в Восточной Европе в 1989 году Фрэнсис Фукуяма написал свое знаменитое эссе о конце истории. Сначала его текстом восхищались, затем над ним посмеивались, потом более или менее забыли. А между тем исторический процесс и вправду забуксовал. Эпохи реакции и реставрации, торжество консервативной стабильности и господство пошлой, ретроградной, бескрылой (или утратившей крылья) идеологии задним числом воспринимаются как некий хронологический провал, «тире между двумя датами», как говорил по несколько иному поводу герой советского фильма «Доживем до понедельника». Эта историческая пустота, провал в событийной цепи может пожрать целую человеческую жизнь, заставив людей впустую растратить свои таланты и способности, хотя «пустота исторического времени» может

быть для многих наполнена личным счастьем, индивидуальными достижениями и маленькими, но всё равно важными событиями. Времена исторические, напротив, не балуют нас комфортом и благополучием. «Чем столетью интересней для историка, / Тем для современника печальней!» — писал Николай Глазков.

Да и с исторической точки зрения пустота консервативных и реакционных эпох лишь кажущаяся. В этот самый период происходит накопление сил, формирование идей, тенденций и личностей, которым ещё предстоит сыграть свою роль в тот момент, когда история снова, как всегда — неприятным и резким рывком — возобновит поступательное движение. На протяжении двух десятилетий миллионы людей сопротивлялись неолиберализму — организованно и стихийно, сознательно и неосознанно, эффективно и бестолково. Это сопротивление, то и дело терпевшее неудачу, закладывало основу для исторического перелома, которому предстояло свершиться позднее.

2011 год оказался продолжением, повторением и одновременно — зеркальной противоположностью 1989 года. Тогда демократическая энергия масс, разрушив консервативные режимы, правившие Восточной Европой под коммунистическими знаменами, открыла путь для глобальной капиталистической реставрации, мировому господству неолиберализма. Революционный импульс 1917 года был грандиозной силы, он оказался настолько мощным, что на излете продолжал ещё поддерживать жизнеспособность бюрократической позднесоветской системы, которая сама же работала над его подавлением. Неолиберализм не обладал подобной динамикой. Даже провозглашая созидательные лозунги, он разрушал общество, дезорганизуя и обрывая связи между людьми, уничтожая базовые механизмы солидарности, без которых не может выжить никакое общество, включая капиталистическое. И закономерным образом два десятилетия неолиберального порядка сделали новую революцию не только возможной, но и необходимой.

Для того чтобы выйти из тупика, куда зашел социалистический эксперимент XX века, исторически неизбежным стало движение вспять. Реакция была закономерна, но от этого не менее болезненна и разрушительна. Может быть даже наоборот, ведь осознание тупика, в котором оказалась к концу XX века социалистическая мысль и практика, деморализовало левых во всем мире, подорвало их способность к сопротивлению. Это осознание приняло форму идейной самоликвидации, когда капитуляция перед силами буржуазного порядка выступила в качестве ответа на исторические вопросы движения в виде способности извлечь уроки из прошедших событий. Логика капитала предстала не только для его адептов, но и для многих его против-

ников единственно возможной логикой здравого смысла, противостоять которой могла мечта и утопия, но никак не актуальная политическая программа.

Капитализм победил, чтобы потерпеть сокрушительное поражение. Он разбил не о сопротивление своих противников, не о железную волю организованного пролетариата, а о собственные противоречия, которые теперь никто не сдерживал, не регулировал и почти никто уже не разоблачал. Триумф неоллиберализма создал условия для его крушения.

Мир вступил в новую революционную эпоху. Как всегда бывает, переход от общественной пассивности к массовым мобилизациям был неожиданным, а обстоятельства, при которых это происходило, разительно отличались от ожидаемых. Историческое знание позволяет нам заглядывать за горизонт текущего момента, осознавая его значение и место в общем процессе хаотической самоорганизации, но оно же запутывает нас, создавая идеализированный и упрощенный образ событий прошлого, по аналогии с которыми мы пытаемся оценивать опыт нашего настоящего.

Идеологи, черпающие свои представления о революции в исторических повествованиях и в трудах других, более ранних идеологов, неминуемо и неизменно оказываются «обмануты» реальным революционным процессом, ведь он тем и отличается от повседневности, что не вписывается в заранее заготовленные рамки.

Подводя итоги первой волны политического кризиса в России, социолог Анна Очкина писала весной 2012 года: «Социальный хаос — это не природная стихия, сметающая на своем пути все, что построил человек, это сбой во взаимодействии самих людей между собой и обществом, накопление массы „странных“ и неадекватных действий до критической. Наводнение смывает город, извержение вулкана сжигает людей и поселения, ураган сметает жилища с лица земли. Природное уничтожает социальное, а социальная стихия придает социальному бытию новое содержание, неподвластное старому порядку, что и создает хаос. Люди противостоят друг другу, и не только друг другу, но и себе прежним, связанным с прежними условиями и привычками жизни. Хаос поглощает порядок, создавая новые мотивации, новые вызовы и — через миллиарды частных решений и поступков — новый порядок. Социальный хаос — это временное и содержательное рассогласование субъективного и объективного факторов истории»¹³.

13. Путь сквозь хаос // Левая политика. 2012. № 17–18. С. 8.

Задача политика состоит в том, чтобы своими сознательными действиями внести элементы порядка в хаотический процесс, согласовать субъективное действие с объективными возможностями. Говоря словами Шекспира, «вправить вывихнутый век». Сделать это можно лишь одним способом — повернувшись лицом к процессу перемен и осмысливая его логику изнутри, думать, не прекращая действовать, и действовать, не переставая думать.

Идеологическая обработка революционной истории всегда спрямляет развитие событий, задним числом демонстрируя нам как «очевидную» и «естественную» ту логическую связь между событиями, которая была совершенно не очевидна многим современникам. Люди, в «спокойные» эпохи совершенно искренне считавшие себя сторонниками революционных преобразований, столкнувшись с реальностью революционного хаоса, противоречивостью и «нелинейностью» происходящего, впадают в панику, превращаются из поборников перемен в их критиков. Они не выдерживают столкновения с реальностью Истории, оказываются не готовыми взять на себя ответственность за действие или, порой, за *ответственное бездействие*, когда условием долгосрочного успеха становится именно отказ от участия в мелочной суете амбиций, в политических проектах, акциях или коалициях, популярных сегодня, но обреченных на крах завтра.

Прогнозы, становящиеся реальностью в политической жизни, реализуются через действия людей, когда миллионы субъективных интересов, потребностей и мнений сливаются в коллективную волю. Подобное соединение требует гигантской работы и постоянных усилий идеологов, активистов, политиков, совместно превращающих свой опыт и знание в основу революционного проекта, которому предстоит изменить мир. Политическое сознание масс рождается, трансформируется и развивается в этом процессе. Так формируется знаменитый «субъективный фактор», на отсутствие которого упорно жалуются резонеры политического оппортунизма и грустно-возвышенные поэты радикального сектантства. Субъективный фактор, как и коллективный субъект, никогда и нигде не возникает сам собой, они оба должны быть «сделаны», но сделаны не из программных лозунгов и карьеристских амбиций, а из борьбы, ведущейся на всех уровнях общественной жизни.

Неолиберализм в глобальном масштабе подготовил условия для революции и сделал её неизбежной. Но мировой кризис, поразив множество разных обществ с различными социальными условиями, традициями, институтами и культурными практиками, расщепляет эту общечеловеческую драму на множество сюжетов, каждый из которых будет иметь собственных героев и собственную развязку. В конечном счете эти раздельные

потоки событий сольются в единой реке истории, но прежде чем это случится, каждое общество обречено пройти собственные испытания на пути к переменам. Стержнем этого сюжета остается борьба за власть, суть которой состоит не в соперничестве политиков и партий, стремящихся разделить министерские посты, а в реальном контроле за государством, его институтами, инструментами контроля и принуждения. Разрушая их, революция создает для общества момент свободы, который должен быть превращен в акт коллективного творчества и созидания. Однако новый мир не возникает сам собой, не порождается стихийным протестом и бессистемным сопротивлением. Революция нуждается в сознательном действии, в организации, в политике.

Левые силы в начале XXI века продемонстрировали полную неспособность не только подняться до уровня своей исторической ответственности, но даже осознать её. Но это не отменяет общественную потребность в новой социалистической политике.

Левое движение умерло. Да здравствует левое движение!

Из осознания новой реальности и новых исторических задач формируется сила, соответствующая задаче революционной эпохи. Это происходит болезненно, мучительно медленно, через ошибки, трудности и поражения. Но это происходит.

«Оркестр, занятый настройкой, которую каждый инструмент осуществляет самостоятельно, создает впечатление самой ужасной какофонии; однако эта настройка является условием того, чтобы оркестр действовал как единый „инструмент“», — писал Антонио Грамши в «Тюремных тетрадах»¹⁴.

Исторический итог великого кризиса, будущее порожденной им революции зависит от того, как быстро эта настройка сменится музыкой. Той самой музыкой революции, о которой писал Александр Блок.

14. Грамши А. Избранные произведения. Т. 3. С. 258.